

В. С. Степин²

ТРАНСМУТАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ И ИНТЕРЕСОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Национальные интересы изменяются в зависимости от исторического этапа развития того или иного типа общества. Их трансформация наиболее радикальна, если видоизменяются фундаментальные ценности, определяющие тип цивилизационного развития. Современная эпоха обострения глобальных проблем, порожденных техногенной цивилизацией, все более настоятельно ставит вопрос о выборе новых стратегий развития. А это, в свою очередь, предполагает критический анализ ценностной базы и интересов конкретных обществ, вступивших на путь техногенного развития.

Взаимодействие стран и регионов мира в процессе глобализации пока разворачивается в русле уже апро-

бированных стратегий: экономики расширяющегося рынка и ускоряющегося технологического прогресса.

В последние десятилетия на глобальном рынке обозначились тенденции нового разделения труда. Их выражением стала нередко применяемая метафора: Китай — это мировая фабрика, Америка — мировая научно-технологическая лаборатория, Россия — поставщик сырья, кладовая сырьевых ресурсов.

Разумеется, как и всякая метафора, данная формула многое упрощает и схематизирует. Но некоторые главные тенденции последних десятилетий она улавливает. Во всяком случае, в национальные интересы Китая и США указанные позиции включены. Что же касается России, то было время, когда завоеванное ею место в мировой экономике в качестве сырьедобывающего актора рынка воспринималось как выражение ее национального интереса.

Был этап, когда понимание будущего российской экономики выражал тезис «Россия — великая энергетическая держава». Этот тезис ориентировал прежде всего на увеличение добычи нефти и газа и их транспортировку на мировой рынок, дополняемый высоко-технологической продукцией атомной энергетики. Полагалось, хотя и особо не артикулировалось, что все остальное, необходимое для развития страны (в том числе и новые технологии), выгоднее приобрести на полученные от экспорта доходы.

Сегодняшняя ситуация падения мировых цен на энергоносители и возросшей конкуренции на рынке углеводородного сырья продемонстрировала уязвимость такого рода стратегий. Выяснилось также, что приобретение новых технологий на мировом рынке наталкивается на серьезные препятствия. Ими могут быть не только экономические санкции, продиктованные политическими интересами, но и простое стремление сохранить преимущество в конкурентной борьбе на мировом рынке, ограничивая возможности своих конкурентов.

² Руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, заведующий кафедрой философии науки и философии культуры МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор. Автор более 700 научных работ, в т. ч. 28 монографий: «Становление научной теории», «Философская антропология и философия науки», «Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации», «Философия науки и техники», «Эпоха перемен и сценарии будущего», «Теоретическое знание» (2000, пер. на исп. яз. — *Stiopin V. S. El Saber Teorica. Estructura, Evolucion Historica*, 2004; на англ. яз. — *Stepin V. Theoretical Knowledge*. Springer, 2005), «Философия науки: общие проблемы», «Цивилизация и культура», «Научное познание в социальном контексте», «История и философия науки», «Человеческое познание и культура», «Философия и методология науки», «Философская антропология и философия культуры» и др. Президент Российского философского общества. Иностраный член национальных академий наук Белоруссии, Украины, действительный член Международного института (академии) философии (Париж), действительный член Международной академии философии науки (Брюссель), почетный доктор Университета г. Карлсруэ (ФРГ), почетный доктор Новгородского государственного университета, Ростовского государственного университета, почетный профессор Института философии Академии общественных наук КНР (Пекин), почетный профессор Белорусского государственного университета (Минск). Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Награжден орденами Дружбы народов, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Почетный доктор СПбГУП.

К этому следует добавить, что в целом выгода от продажи сырья (не только нефти) на порядок ниже, чем от продуктов его высокотехнологической переработки. Кроме того, если иметь в виду долгосрочную перспективу, то все большее значение будут иметь природоохранные меры, что, в свою очередь, повысит затраты на освоение ресурсов. А поскольку большинство сырьедобывающих производств связаны со значительным загрязнением среды, рост издержек в этой области неизбежен.

Очевидно, что решение этих проблем потребует развития новых технологий и технологического обновления производства. Соответственно изменятся приоритеты в системе национальных интересов в сфере экономики.

О необходимости технологического перевооружения российской экономики говорится уже достаточно давно. Нелишне напомнить, что еще в 1970-е годы, когда Запад осуществил новую технологическую революцию, перед страной (тогда Советским Союзом) возник исторический вызов — преодолеть наметившийся технологический разрыв.

Решение этой проблемы воспринималось как очередная догоняющая модернизация. Конкурировали две стратегии развития: 1) модернизация с сохранением основ советского социализма при селективном использовании западного опыта рыночной экономики и 2) либеральный проект копирования западного опыта без ограничений.

Горбачевская перестройка была попыткой ответить на исторический вызов путем первой стратегии. По многим причинам внутри- и внешнеполитического характера эта стратегия не была реализована. После распада СССР реформы проводились в русле либеральной программы. При этом произошел сдвиг ценностных приоритетов. Рыночные реформы уже не рассматривались в качестве условия и средства будущего технологического прорыва, а представляли как самоценность и главная цель социальных трансформаций. Об итогах этой стратегии уже сказано и написано немало: деиндустриализация страны, доминирование олигархического капитала и его влияние на политику, снижение уровня образования, углубляющееся технологическое отставание от развитых стран.

Осознание российской правящей элитой необходимости ответить на исторический вызов и соответственно скорректировать либеральную стратегию произошло с опозданием. Идея системного технологического перевооружения производства стала активно обсуждаться, пожалуй, лишь в последнее десятилетие. Причем в этих обсуждениях первоначально доминировал опять-таки свойственный неолиберализму подход — копировать Запад, ориентируясь на ценности сложившегося здесь потребительского общества. Стратегия современного технологического развития по-прежнему понималась как вариант догоняющей модернизации.

В конце 1990-х — начале 2000-х годов еще была иллюзия, что переход от советского социализма ко второму российскому капитализму откроет новые возможности партнерских отношений с США и Евросоюзом,

а это, в свою очередь, будет способствовать модернизации, росту экономики и усилению экономического и политического влияния России в глобализирующемся мире.

Эта иллюзия рассеивалась по мере того, как в реальных экономических и политических действиях все отчетливее выявлялось столкновение национальных интересов США и России. Претензии США на особую и доминирующую роль в глобализирующемся мире включали политику «сдерживания» России, ограничение ее развития.

Это обстоятельство побудило российское руководство четко заявить о неприемлемости концепции однополярного мира, противопоставляя ей идею многополярного глобализирующегося мира, ориентированного на сотрудничество стран с учетом их национальных интересов (мюнхенская речь В. В. Путина и его последующие заявления о нежелании США налаживать равноправные партнерские отношения: «США не нужны партнеры, им нужны сателлиты»). Принципы безопасности, целостности страны и ее суверенитета были обозначены в качестве базовых ценностей и главных составляющих национальных интересов России.

В последние десятилетия российской истории давление на нашу страну со стороны США постоянно возрастало. Серия «цветных революций» на Ближнем Востоке, а затем и в странах постсоветского зарубежья (Киргизия, Грузия и, наконец, Украина) была направлена против интересов России, а применяемая политика санкций преследовала цель, по выражению президента США, «включая разорвать российскую экономику».

То обстоятельство, что усилили по «отбрасыванию» России не приводят к желаемому результату, пока не воспринимается США как контрпродуктивная стратегия. Ранее маскируемое, не артикулируемое стремление к тотальному контролю над миром сегодня провозглашено открыто, причем в терминах изоморфных провалившимся претензиям гитлеровской Германии на мировое господство. Согласно утверждению президента США Обамы, Соединенные Штаты — это особая нация, призванная контролировать мир; любая из современных наций может исчезнуть, кроме американской. Такое понимание национальных интересов недвусмысленно показывает, что курс США на мировое доминирование долговременный и определяется в качестве базового национального интереса.

Отсюда следует, что в ходе технологического перевооружения российской экономики не только не приходится рассчитывать на поддержку со стороны США и их союзников, но и, скорее всего, придется преодолевать возводимые ими препятствия. Без целенаправленных усилий государства и общества решить эти задачи вряд ли возможно. Но потенциал для такого решения есть. И последние успехи отечественного ВПК в технологическом перевооружении российской армии являются тому свидетельством.

Важно еще раз подчеркнуть, что неолиберальная программа модернизации не согласуется с реальными ситуациями сложившегося взаимодействия России и Запада, когда идеи равноправного сотрудничества постоянно наталкиваются на стратегию доминирова-

ния США и стремление ограничить возможности конкурентов.

Но есть и еще более глубокие основания для критического отношения к неолибералистской стратегии модернизации. Я уже не раз высказывал и обосновывал точку зрения, согласно которой человечество вошло в эпоху смены типа цивилизационного развития. И на этом пути будут соперничать стратегии, сохраняющие базовые ценности прежнего типа развития, со стратегиями, ориентированными на поиск новых ценностей, способствующих выходу из глобальных кризисов.

С этих позиций следует рассматривать либеральную программу российских реформ, основанную на копировании ценностей и паттернов современного общества потребления. Эта программа, несмотря на явные неудачи, упорно продвигается с начала 1990-х годов. Пожалуй, только в последнее пятилетие ее критика вышла за рамки дискуссий внутри экспертного сообщества и стала предметом широкого публичного дискурса. Тем не менее реальная практика проведенных в этот период неудачных реформ в сфере образования и науки свидетельствует, что неолиберальный подход по-прежнему укоренен в нашей реформаторской деятельности. Тем важнее проанализировать возможные риски и отдаленные последствия этого подхода, учитывая, что в его русле разрабатываются стратегии развития страны на будущие десятилетия.

В связи с этим следует решить две кардинальные проблемы: 1) создаются ли обществом потребления условия и предпосылки для преодоления обостряющихся глобальных кризисов, порожденных современной цивилизацией (экологического и антропологического, к которым сводятся все остальные); 2) обеспечит ли копирование идеалов и образцов деятельности, укоренившихся в потребительских обществах, решение проблемы технологического перевооружения России и ее выхода на передовые рубежи научно-технологического развития.

Вначале о первой проблеме. Я уже высказывался, в том числе и на Лихачевских чтениях, что в доминирующих ценностях общества потребления не содержится сколь-нибудь серьезных запретов, препятствующих обострению экологического кризиса. В целях логической целостности аргументации сжато воспроизведу высказанные ранее соображения.

Социально-экономическая политика потребительских обществ ориентирована на идеал постоянного роста потребления, основанного на экспансии рынка во все новые сферы социальной жизни. В рамках этого идеала выражено особое понимание природы и человека, которое репрезентирует ценностную матрицу техногенной культуры в ее современной версии, характерной для эпохи глобального капитализма. Отношение человека к природе и человека к человеку в современном обществе потребления определяется прежде всего организацией экономики всеобъемлющего рынка.

Понимание природы как своего рода неисчерпаемой кладовой ресурсов для человеческой деятельности сформировалось еще в эпоху становления техногенной цивилизации. Потребительское отношение к при-

роде как к среде человеческого обитания усиливалось по мере экспансии рыночных, товарно-денежных отношений в различные сферы человеческой деятельности. Возникновение общества потребления в качестве идеала человеческой жизнедеятельности утвердило принцип «Чем больше мы потребляем, тем лучше живем».

Экономика развивается как сложная система, где между спросом и предложением установлены прямые и обратные связи. В экономике общества потребления все большую роль играет искусственное стимулирование спроса. Здесь уместно еще раз напомнить о приведенных известным футурологом Э. Ласло свидетельствах, что еще в середине прошлого столетия, когда создавались условия и предпосылки для продвижения к потребительскому обществу, идеологами рынка была предложена новая (для тех времен) стратегия роста потребления. Ее достаточно ясно выразил американский аналитик розничной торговли Виктор Лебов: «Наша огромной производительности экономика требует, чтобы мы сделали потребление нашим образом жизни, чтобы мы превратили покупку и потребление товаров в ритуалы, чтобы мы искали в потреблении духовное удовлетворение, удовлетворение собственного «я». Экономике необходимо, чтобы вещи потреблялись, сжигались, изнашивались, выбрасывались и заменялись со все возрастающей быстротой»¹.

Нетрудно увидеть, что современная экономика общества потребления реализовала эту программу. Более того, она распространяется на глобальный рынок. Платой за этот тип экономического роста являются расширяющиеся масштабы загрязнения среды, в том числе изменение климата (геологический цикл глобального потепления вследствие возрастающего антропологического давления на биосферу протекает на порядок быстрее, чем в предшествующие циклы, то есть те климатические изменения, которые должны были происходить, допустим, за 300 лет, теперь осуществляются за 30²). В итоге получается, что принцип «Чем больше мы потребляем, тем лучше живем» начинает превращаться в свою противоположность.

Сложившаяся в обществе потребления система экономического роста не только инициирует обострение экологического кризиса, но и порождает углубляющийся антропологический кризис. Он также связан с экспансией экономики потребления во все новые сферы человеческой жизнедеятельности и их подчинением рыночным отношениям. Сегодня уже никого не удивляет подход к человеку как к товарной единице, стоимость которой может варьироваться от стоимости его рабочей силы до стоимости его отдельных органов, потенциально пригодных для трансплантации.

Система образования, медицины, сферы художественного творчества, науки, правовых и нравственных регулятивов рассматривается преимущественно в аспекте формирования человеческого капитала. Отсюда, конечно, не следует, что в обществе потребления не существует иных отношений, что люди не общаются, не создают профессиональные и внепрофессио-

¹ Цит. по: Ласло Э. Макродвиж (К устойчивому миру курсом перемен). М., 2004. С. 70.

² См.: Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С. Экологический вызов и устойчивое развитие. М., 2000.

нальные сообщества, основанные на живой коммуникации. Речь идет о доминирующих и системообразующих отношениях социальной жизни. В культуре им соответствуют смыслы универсалий «человек», «деятельность», «личность», «рациональность». Эти смыслы программируют людей и обеспечивают воспроизводство того или иного типа социальности.

На ранних стадиях техногенной цивилизации выдающиеся мыслители великих эпох Ренессанса, Реформации и Просвещения развили идею гуманизма, заложенную христианской культурной традицией. Человек — высшее творение Бога, одаренное разумом и продолжающее в своих деяниях акты божественного творения. Он — самоценность, субъект творческой деятельности, суверенная личность, рационально регулирующая свои социальные отношения посредством общественного договора, системы правовых и нравственных норм.

Это понимание человека обеспечивало развитие техногенной цивилизации, в том числе и ее главного варианта, связанного с формированием рыночной экономики капитализма. Но по мере ее развития происходило определенное видоизменение сложившихся гуманистических ценностей. Они были трансформированы в идеал человека продающего и потребляющего. Причем продающего любую продукцию, востребованную рынком, в том числе и свою способность к труду, результаты труда, образы и переживания, выраженные в произведениях искусства, свои органы, сексуальные способности и т. п.

Монетарный подход, присущий экономике современного глобального рынка, определяет человека и его способности как человеческий капитал. В таком измерении человек предстает прежде всего как средство и предмет, свойства которого могут быть полезны в той или иной области деятельности и социальных отношений.

В свое время К. Маркс характеризовал такого рода подход как путь к деградации человека в качестве универсального, творческого начала. Он подчеркивал, что человеческие отношения основаны на том, что за ум платят умом, за дружбу — дружбой, а за любовь — любовью. Но когда все качества человека превращаются в товары, имеющие денежный эквивалент, то за ум можно платить деньгами, за дружбу — деньгами и за любовь — тоже деньгами. Но, покупая эти качества, человек их не приобретает, а утрачивает.

В середине прошлого столетия эти идеи Маркса были акцентированы Франкфуртской школой при анализе процессов отчуждения в условиях современного капитализма. Г. Маркузе для характеристики кризиса человека в зарождающемся обществе потребления применил понятие «одномерный человек».

Все эти изменения в структуре ценностей сегодня дополняются новыми аспектами обострения антропологического кризиса. Они связаны с рисками возможностей биологической трансформации человека на современном этапе научно-технологического развития. Разработка конвергентных технологий открывает перспективы лечения многих ранее неизлечимых болезней, продления жизни человека, усиления его способ-

ностей. Но здесь же создаются возможности кардинальных изменений биологической природы человека.

Сегодня уже обозначены программы создания идеального солдата, который посредством генетических изменений и внедрения в мозг особых чипов обретет способности видеть и слышать в значительно большем диапазоне, чем обычный человек, обладать большей быстротой ответных реакций и иметь иной (сниженный) инстинкт самосохранения. В этом ключе двигают идеи о производстве нового типа субъектов деятельности, способных успешно выполнять работы в условиях, крайне опасных для обычных людей. Существуют проекты генетических изменений, позволяющих человеку наращивать мускульные усилия, преодолевать кислородное голодание при длительных нагрузках (выращивание будущих олимпийских чемпионов) и т. п.

В принципе, сегодня такого рода проекты вполне реализуемы. Некоторые из них уже разрабатываются. В связи с этим возникает ряд вопросов. Как будет воспринимать мир человек, превращаемый в идеального солдата, если у него зрительные и слуховые образы будут кардинально отличаться от обычных? Весь строй человеческой психики и поведенческих реакций в этом случае может радикально измениться. Как возможна коммуникация обычных людей с этими искусственно сконструированными индивидами? Как их рассматривать — в качестве людей иной расы или в качестве киборгов? Какова возможная судьба, допустим, идеального солдата, когда он утратит необходимые функции в процессе старения и с появлением более совершенных образцов? Если он киборг, вид биоробота, то вполне допустима его утилизация как непригодного изделия, а если он человек, то должен продолжить свою жизнь и после увольнения из армии. Но он узко специализирован (своего рода военная машина) и может зарабатывать на жизнь, например, превратившись в киллера или террориста. Не перерастет ли создание идеального солдата в процесс производства «идеальных» террористов?

Тенденция конструирования самых различных узкоспециализированных индивидов, генетически приспособленных для осуществления строго определенных видов деятельности, может радикально изменить структуру общественной жизни. Не произойдет ли трансформация человеческого общества в нечто подобное таким популяциям насекомых, как, например, муравейник, где есть генетически запрограммированные особи — муравьи-солдаты, муравьи-няньки, муравьи-рабочие, муравьиная матка и т. п.?

Человек — биосоциальное существо. Его жизнедеятельность регулируется двумя типами взаимосвязанных программ — биогенетическими программами и культурой. И если трансформируется биогенетическая составляющая человеческой жизнедеятельности, то это неизбежно приведет к трансформации культуры. Ценности, вырабатываемые человечеством на протяжении многих столетий социальной эволюции, могут быть разрушены.

В своей книге «Наше постчеловеческое будущее» известный американский политолог Фрэнсис Фукуя-

ма отмечает, что ценности правового равенства и прав человека потеряют свою значимость, если биотрансформация создаст радикально отличные друг от друга постчеловеческие «квазирасы»¹.

На первых этапах исторического развития технологической цивилизации идеи гуманизма и научно-технологического прогресса согласовывались друг с другом. Этот подход разделяли даже альтернативные идеологии — либерализма, с одной стороны, и социализма и коммунизма — с другой. Но во второй половине XX и особенно в начале XXI века ситуация радикально изменилась. Ядерные технологии и их риски (атомное оружие, аварии на атомных электростанциях — Чернобыль и Фукусима), современные конвергентные технологии обозначили спектр сценариев научно-технологического развития, среди которых есть и угрожающие самому существованию человечества. И в этом пункте намечалась конфронтация между либеральными идеалами рыночной экономики и идеями контроля над технологическим прогрессом с целью избежать наиболее опасных для человека сценариев. Осуществление такого контроля сегодня рассматривается как важнейший аспект стратегии «управления рисками». В рамках этой стратегии были разработаны идеи и технологии социально-гуманитарной экспертизы научно-технологических программ и проектов. Но нужно отдавать себе отчет в том, что сегодня обострились противоречия между монетарно-рыночным подходом и проблемой гуманизации научно-технологического прогресса.

В системе ценностей потребительского общества идеалы традиционного либерализма, развивавшегося в русле христианского гуманизма, были модифицированы в неолибералистские. В них акцент сделан прежде всего на росте потребления как главной ценности, которая обеспечивается саморегуляцией рынка. Понимание человека как предмета и средства рыночных отношений открывает пути к внедрению самых рискованных технологий «биокибернетической модернизации». Современный рынок в принципе готов принять эти технологии совершенствования человека как очередное ноу-хау, способное приносить огромные прибыли, так же как приносят их технологические новации в области машиностроения, изготовления новых материалов, компьютерных разработок и т. п.

Инвестиции в программы биологического совершенствования человека воспринимаются как наращивание человеческого капитала, который открывает возможности получения сверхприбылей. Соответственно стимулируются затраты на информационную поддержку этих программ с использованием всех возможностей современных СМИ, включая формирование необходимых ментальностей потребителя.

Здесь уместно отметить, что уже сложившийся и господствующий менталитет потребительского общества включает ряд основополагающих принципов, которые действуют в этом направлении. Эрвин Ласло определил их как мифологемы, которые подлежат пересмотру. Он выделяет следующие принципы: «Все,

что может быть изобретено, то и должно быть сделано и может быть продано, и это выгодно для нас и экономики»; «Все новое лучше старого»; «Ценность всего, в том числе и людей, может быть выражена в деньгах»; «Будущее не наша забота. Каждое поколение должно само заботиться о себе»².

Эта система мифологем выражает императивы культуры потребительского общества. И до тех пор, пока они действуют и распространяются в качестве идеала, человечество будет двигаться по пути нарастания кризисов, ведущих к экологической и антропологической катастрофе.

Неолиберальная стратегия развития, предполагающая копирование идеалов и образцов потребительского общества, в этом отношении не имеет позитивных перспектив. Но эта стратегия малоперспективна и в более локальном плане, при решении задачи нового этапа технологического развития России.

Технологический прогресс западных потребительских обществ только на первый взгляд может быть скопирован. Он представляет собой сложную систему, сложившуюся во второй половине XX века и видоизмененную в начале XXI столетия. Эта система включала рыночные запросы ноу-хау, инвестиции конкретных фирм и корпораций в их разработку, рекламу и другие виды информационной поддержки, формирующей необходимое общественное мнение; инвестиции в крупные целевые проекты (в том числе оборонного характера) под контролем государства; государственное финансирование фундаментальной науки и образования и т. д.

В этой системе важнейшую роль играют привлечение необходимых специалистов (от фундаментальных научных исследований до технологических разработок и проектов, внедряемых в производство), организация их работы, затраты на оборудование рабочих мест (система приборов, экспериментальных установок и т. д.). Все это требует огромных и не разовых, а систематических капиталовложений.

В первой половине XX века, когда только начиналось формирование общества потребления, специалисты, обеспечивающие генерирование научно-технологических инноваций, в большей части формировались в рамках национальных систем образования и науки. Исключение составляли США, в которые после Второй мировой войны эмигрировали многие выдающиеся ученые Европы.

По мере формирования общества потребления произошли изменения в национальных системах подготовки специалистов. Приток эмигрантов из развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки в качестве рабочей силы сопровождался снижением планки образования. Пресловутая Болонская система обеспечивала адаптацию к новым условиям притока рабочей силы, но была недостаточна для подготовки высококлассных специалистов в научно-технологической области. Более того, стиль жизни сложившихся потребительских обществ ориентирует большую массу людей не на профессиональную деятельность и достижение в ней успеха, а на развлечения, личный досуг,

¹ См.: Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М., 2004. С. 159–163, 306–308.

² Ласло Э. Указ. соч. С. 73.

поиск легких занятий. Известный английский социолог и философ Э. Геллнер в начале XXI столетия писал, что в современном обществе потребления рациональная мысль и связанные с ней формы деятельности становятся малопривлекательными. Эту же ситуацию зафиксировали американские социологи, констатируя, что статус науки по сравнению со второй половиной XX века в наши дни значительно снизился.

Компенсацией всех этих издержек стали выделение сети престижных университетов, обучение в которых требует больших денег, создание системы национальных научных центров и привлечение зарубежных специалистов, частично обучавшихся в западных университетах либо подготовленных в других странах. Среди них немало ученых из России, которые в период распада СССР и либеральных реформ 1990-х годов не смогли продуктивно продолжать свои исследования.

Копировать западный опыт технологического развития, как это предлагает неолиберальная стратегия, для нашей страны непродуктивно и в чем-то просто невозможно из-за огромных капиталовложений, которых сегодня для этой цели у нас пока нет. Мы скопировали худшие стороны западного опыта общества потребления, не имея возможности компенсировать его недостатки. Нам необходимо самим готовить высококлассных специалистов, тем более что есть советский опыт такой подготовки.

Очевидно, что стратегию научно-технологического развития страны следует менять. Из опыта Запада целесообразно селективно заимствовать лучшее, соединив с лучшими продуктивными элементами советского опыта. Рынок сам по себе этих задач не решит, нужна целенаправленная государственная политика. Конкретно, что и как заимствовать из уже накопленного за последние полвека исторического опыта, должно стать предметом особого анализа и обсуждения, и не в узких, приближенных к власти группах, а в ученых советах университетов и исследовательских институтов, в дискуссиях на специальных конференциях ученых, политиков и представителей бизнеса. Выработка новой продуктивной программы действий по технологическому перевооружению российской экономики и ликвидации технологического отставания — это лишь один из аспектов наших национальных интересов. В перспективе при последовательном проведении новой стратегии образования и научно-технологической политики Россия могла бы ставить своей целью систематическое создание конкурентных технологий, удовлетворяющих требованиям экологической и антропологической защиты, а также выход на ведущее место мирового рынка технологий. Если мы хотим быть великой державой, тогда такого рода цели и соответствующие национальные интересы должны быть обозначены.